

кого труда греческого историка. Вряд ли стоит более подробно останавливаться на невозможности и з о л и р о в а н н о г о изучения идей автора или композиции его произведения, изучения вне общего исторического фона, вне связи с различными сторонами исторического процесса, с экономической, социальной, политической и культурной жизнью его времени.

Впрочем, следует рассмотреть и то, что дано автором в специальной и, по нашему мнению, искусственно выделенной им сфере развития идей. Прав ли автор, разбирая весь труд Фукидида под одним углом зрения, как развитие одного понятия, хотя бы самого универсального и философского? Можно ли сводить историческую теорию Фукидида лишь к освещению вопросов внешней политики? Нам кажется, с этим согласиться нельзя. Правильный путь откроется перед нами не в том случае, если мы а priori обнаружим у Фукидида некое универсальное понятие, но если, идя последовательно шаг за шагом в анализе его произведения, стараясь определить объект его исследования и приемы, используемые им при этом, мы будем рассматривать творчество Фукидида в органической связи с историей его общества. «Фукидид-афинянин описал войну афинян и неполюнцев, как они вели ее друг с другом» (Т h u c., I, 1, 1). Основным объектом его исследования была война, которая и вообще в античной историографии является одним из главных предметов исторического изображения. Что представляет собой война, каковы ее причины, начало и ход — это то, что стремится выяснить Фукидид прежде всего. Его интересуют не отдельные события (как бы подробно и точно он ни старался их передать) или лица (какое бы внимание он ни уделял их характеристике), но некоторая общая историческая закономерность. Чем же она обуславливается у Фукидида? В противоположность сверхъестественному фактору Геродота, его *νέμεσις*, у Фукидида этим законообразующим и связующим единичные события моментом является «человеческая природа», понятие не менее центральное в концепции Фукидида, чем понятие *ἀρχή*. «Человеческая природа» это — совокупность определенных психических свойств, и, таким образом, одной из задач исследователя Фукидида представляется изучение системы его психологии. Значение этой проблемы будет понятно, если мы вспомним, что у Фукидида и у позднейших представителей прагматической истории вопрос о причинах исторических событий сводится главным образом к установлению мотивов действующих лиц.

Однако, если Фукидид не ставил своей задачей дать социальную историю, то его труд отнюдь не заключает лишь изложения военной истории и внешней политики «имперализма» или его философии в речах действующих лиц. Нет, этот труд, несмотря на все своеобразие и неполноту характеристик отдельных деятелей, содержит ценные данные и по внутренней истории Афин (достаточно вспомнить содержание VI, VII или VIII книг), а одной из не вполне разрешенных и актуальных задач, стоящих перед исследователями, является определение социальной и политической позиции Фукидида в сложной обстановке его времени. Ромилли, Финли и др. показали, чем были в глазах Фукидида Перикл и его политика, особенно после 404 г., но установлением этой идейной связи в сущности и ограничились. Чтобы достигнуть более полных и объективных результатов, необходимо, наконец, заняться социальной историей Афин V в., — данные для этого есть, — и решение этой проблемы, отчасти при помощи того же Фукидида, поможет лучше понять и особенности его великого труда.

К. К. Зельин

ПАНЭЛЛИНИЗМ И БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ АНТИЧНОСТИ

В 1947 г. в США вышла в свет книга американского ученого Робинсона «Александр Великий». Эта книга мало чем отличается от сотен других, написанных на ту же тему буржуазными исследователями. В ней не ставится никаких новых проблем; что же касается глубины разработки материала, то она далеко уступает целому ряду предше-

ствующих попыток воссоздания биографии и истории Александра Македонского. И все же в ней есть нечто такое, что сразу обращает на себя внимание читателя: оно заключается в переходящем всякие границы преклонении автора перед личностью Александра и результатами его завоеваний. Образ Александра, окруженный в интерпретации Робинсона каким-то мистическим ореолом, потерял всякую реальность. По мнению автора, именно ему Европа и весь мир обязаны своей культурой и цивилизацией: «Александр был в глубине души мечтателем и мистиком, который считал своим царственным долгом... смешать всех людей как бы в круговой чаше; это было соединение великих мечтаний с великими делами, которое создало не только новый мир, но и новое мировоззрение... Что заставляет жить его сегодня и делает его, быть может, величайшим человеком Европы в истории, это то, что он предугадал тот путь, по которому с тех пор следовал Западный человек»¹.

Откровенно расистское противопоставление Запада Востоку и характерная идея об извечности тенденций завоевания Востока Западом делают американского историка Робинсона достойным наследником идей проникнутой милитаризмом германской историографии конца XIX — начала XX в. и соответственно — идей нацистской историографии. Сходство усиливается и тем, что автор полностью принял господствующее в буржуазной науке представление, что социально-политические процессы в Греции второй половины IV в. могут быть объяснены только с точки зрения «панэллинского движения», самым ярким выражением которого и был поход Александра².

Созданная буржуазной наукой конца XIX — начала XX в. теория панэллинизма, как в фокусе, сосредоточила в себе модернизацию, шовинизм и прямую фальсификацию исторических фактов. С точки зрения этой теории, панэллинское движение предопределило дальнейший путь развития греческого общества IV в. до н. э. как путь создания и а ц и о н а л ь н о й м о н а р х и и, оказавшейся (в глазах создателей этой теории) панадеей от всех социальных бедствий. В свою очередь эта национальная монархия должна была стать предпосылкой для широких завоевательных походов против варваров Востока. Приблизительно в таком виде эта теория развивалась всеми германскими историками античности, принадлежащими к прусско-монархической школе. В несколько видоизмененном состоянии эта теория нашла себе место и в «трудах» фашистских историков.

Перенос прусский шовинизм в античность, германская буржуазная историография видела в походе Александра торжество своей собственной идеологии — идеологии мирового господства. Фигура Александра — «завоевателя мира» — оказалась в центре внимания германской, а затем и всей буржуазной науки вообще. В последней возник настоящий культ Александра.

Преклонение перед личностью Александра, который оказался (в глазах буржуазных исследователей) олицетворением идеи агрессии, перешло по последствию от германских милитаристических историков к американским. Но буржуазия всегда маскировала идею агрессии «человеколюбивыми», «прогрессивными», «культуртрегерскими» и прочими намерениями; таким камфүляжем, долженствующим скрыть действительные причины восхищения буржуазных историков личностями македонских царей Филиппа и Александра, оказалась теория панэллинизма. История ее возникновения проливает яркий свет на ее сущность и значение.

Теория панэллинизма возникла в процессе изучения промакедонской публицистики Греции IV в. до н. э., в частности произведений Исократ. Удивительная настойчивость, с которой Исократ пропагандировал свою *idée fixe* — поход против варваров, который, по его мнению, должен был избавить Грецию от социальной борьбы и политических междоусобиц, — дала повод ряду буржуазных историков конца XIX в. объявить его теоретиком панэллинизма, идеологом объединения греков, причем само объединение понималось различно. Этот термин встречается, например, у Магаффи в его работе

¹ Ch. R o b i n s o n, Alexander the Great, N. Y., 1947, стр. 19.

² Там же, стр. 55 сл.

«Социальная жизнь Греции», где все же его содержание остается скрытым¹. Для широкого научного обихода этот термин был «открыт» фон Скаля—немецким ученым прусско-монархической школы, объявившим Исократа великим идеологом панэллинизма. То, что своим широким применением этот термин обязан германским ученым, а также и то, что это произошло в конце XIX в., является фактом, в известном отношении закономерным. Он может быть поставлен в непосредственную связь с возникновением в 1890 г. так называемого Всеобщего германского союза, возглавлявшегося колониальным бандитом Петерсом². Представляя собой реакционнейшее политическое течение германской монополистической буржуазии и юнкерства, густо окрашенное в шовинистические тона, пангерманизм избрал в качестве одного из главных лозунгов пресловутое «Drang nach Osten»³. В то же время «реакционные и агрессивные силы в Германии создали историческую концепцию, согласно которой милитаризм и война, скрепив единство Германии, являются основой ее дальнейшего существования»⁴.

Выполняя классовый заказ империалистической германской буржуазии, немецкие историки прусско-монархической школы сумели «отыскать» прообраз этой идеологии в древней Греции (наследниками культуры которой они себя считали) в виде так называемого «панэллинизма», идеологом которого и был объявлен Исократ. Дата этого «открытия» удивительным образом совпадает с датой основания Пангерманского союза. Работа фон Скаля, где термин «панэллинизм» получил указанный выше смысл, вышла в 1891 г.⁵. Чтобы превозносить сомнительные достоинства империи Гогенцоллернов, надо было доказать превосходство монархического строя в далеком прошлом: этот принцип лег в основу исследований германских историков. Фон Скаля и не пытался скрывать, почему он так глубоко чтит Исократа: «Мы не должны недооценивать политика, который составил программу для македонских царей Филиппа и Александра»⁶.

В сравнительно небольшой статье фон Скаля не был проделан анализ всей публицистики Исократа, и эту задачу поставил перед собой Кесслер в книге «Исократ и панэллинская идея». В ней он пытается всю публицистику Исократа втиснуть в прокрустово ложе идей панэллинизма, под которым сквозит столь любезный сердцу шовиниста Кесслера пангерманизм. Поход персов должен был, по мнению Кесслера, «железом и кровью скватать греческих в неразрывное целое»⁷. Неприкрытый шовинизм всегда был оборотной стороной идеологии империалистической буржуазии, и поэтому совершенно ясно, что Кесслер сознательно переносит эти явления в далекое прошлое, говоря о традиционной ненависти греков к варварам. Знаменитая формула Бисмарка «кровь и железо», по Кесслеру, существовала в глубокой древности.

Эту же точку зрения развивает Вендланд. В двух изданных в то же время статьях он также объясняет идеи публицистики Исократа с позиций теории панэллинизма. При этом Вендланд резко преувеличивает влияние Исократа, считая (как и фон Скаля), что он «действительно проложил путь политике Филиппа и Александра»⁸. Решения Коринфского конгресса основаны, по мнению Вендланда, на программе Исократа.

¹ Mahaffy, Social life in Greece, L., 1879, стр. 343.

² В 1893 г. этот союз был переименован в Пангерманский союз.

³ См. А. О р д е н, Уроки германской истории, 1948, стр. 19 сл.

⁴ А. С. Е р у с а л и м с к и й, Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в., 1948, стр. 4.

⁵ Scala, Isokrates und die Geschichtsschreibung, Verhandlungen der 41 Philologenversammlung, 1891; См. M o m i g l i a n o, Filippo il Macedone, Firenze, 1934, стр. XI.

⁶ Scala, ук. соч., стр. 110.

⁷ J. Kessler, Isokrates und die panhellenische Idee, Studien zur Geschichte und Cultur des Altertums, Paderborn, 1911, стр. 18: «durch Blut und Eisen die Griechen zusammenschmieden zu einem untrennbaren Ganzen».

⁸ P. Wendland, Beiträge zur Athen. Politik und Publizistik, GGN, 1910, стр. 124—125.

Все же теория панэллинизма, принятая буржуазной историографией античности, не могла даже с ее точки зрения объяснить истинные причины и цели публицистических идей в Греции IV в. Так, например, Баркер называет Исократа «истинным панэллинистом, который мог в одно и то же время теоретически считать, что монархия подходит только для варваров... а на практике приветствовать всякого монарха, который мог бы повести объединенную Грецию против Персии»¹.

До какой степени панэллинизм стал общим местом буржуазной историографии, можно видеть из книги Момильяно «Филипп Македонский». Вынужденный признать сильнейшее влияние националистической германской историографии на возникновение и развитие представления о панэллинском движении, он с упорством, достойным лучшего применения, продолжает утверждать, что эта концепция «глубоко обогатила и преобразовала наши знания о греческом мире» (ук. соч., стр. XIII). Недостатком националистической концепции, заявляет он, было то, что она ставила знак равенства между результатами деятельности Филиппа и пропагандой Исократа. Поэтому «путь исследования у современных историков... идет от Исократа к Филиппу». Но констатируемое здесь изменение основной линии исследования, позволяя вскрыть недостатки «националистической теории», не могло «заменить ее тем избитым местом (*trita ragione*), что труды теоретиков политики могут только помогать понять политику... и поэтому правильный путь (*la via giusta*) ведет от Филиппа к Исократу» (ук. соч., стр. XIV). Из того, как здесь преподносит Момильяно спорные вопросы концепции панэллинизма, советский читатель может с полным правом заключить, что в таком виде спор носит чисто схоластический характер, напоминающий разрешение глубокомысленной проблемы о курице и яйце.

Выдвинув идею «панэллинского движения» в IV в., буржуазные ученые вкладывали в нее, однако, различное содержание. Фон Скаля, Кесслер и Белох считали, что целью этого движения было политическое объединение греков Европы и Малой Азии в единое государство с Македонией во главе². «Никто так не трудился ради идеи объединения, как Исократ», — пишет Белох³. «И если Филипп сумел объединить Грецию... то в этом лежит значительная доля деятельности Исократа, проложившего ему дорогу, точно так же, как мужи 1848 г. заложили фундамент германского единства»⁴. «Разве не с пророческим даром Исократ предсказал будущее? — восторгается далее Белох. — Конечно, так легко объединить Грецию было нельзя. Много крови должно было пролиться, прежде чем было сломано сопротивление партикуляризма, и ни Исократу, ни даже Филиппу не было дано видеть полного осуществления тех идеалов, которым они посвятили свою жизнь — один как полководец и государственный деятель, другой как ритор и публицист» (ук. соч., стр. 525).

Белох, не задумываясь, ставит знак равенства между идеалами Филиппа и Исократа. При этом, исходя из цитированного положения Белоха, мы должны предполагать, что Исократ — идеолог «панэллинского движения» (по Белоху) — охотно готов пожертвовать автономией любого из греческих государств, лишь бы это совпало с интересами Филиппа. На деле, однако, Исократ был ревностным защитником принципа полной автономии⁵. Нам, конечно, трудно сравнивать «идеалы» Филиппа и Исократа хотя бы потому, что об идеалах первого мы знаем очень мало. Но если вспомнить, что

¹ САН, VI, стр. 513.

² См. Kessler, ук. соч., стр. 23: «Einigung aller Hellenen im Mutterland und Kleinasien».

³ J. Beloch, Griech. Geschichte, III, I, стр. 518—522.

⁴ Там же, стр. 525. С этой аналогией Белоха не согласен даже Вилькен; ср. Alexander der Grosse, Leipz., 1931, стр. 33—34.

⁵ Ср. Isocr., Phil., § 17, где он говорит, что ставит себе целью обратить Филиппа к более дружественным делам; § 107, где Исократ приводит в пример Филиппу его отца, который никогда не вмешивался в эллинские дела; ср. также § 68 той же речи, где Исократ указывал Филиппу, чтобы он лучше занялся приобретением симпатий эллинов, чем насильственно захватывал эллинские города.

Исократ в речи «Филипп» умоляет македонского царя оказать благодеяния греческим государствам, и сопоставить этот момент с рядом фактов из деятельности Филиппа — разрушением городов Халкидики, резней и порабощением Фокиды, установлением гарнизонов в ряде греческих полисов, — то станет ясным, что назвать упомянутые факты благодеяниями довольно трудно. На это не решился даже Белох при всей его буржуазной ограниченности и лицемерии. В то же время говорить о «национальной монархии» Филиппа и Александра Македонского, как это делает подавляющее большинство буржуазных ученых, значит прямо извращать исторические факты. «...великие государства Кира или Александра не могли быть названы нациями, хотя и образовались они исторически, образовались из разных племен и рас. Это были не нации, а случайные и мало связанные конгломераты групп, распадавшиеся и объединявшиеся в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя»¹.

Явная фальсификация Белоха не смогла удовлетворить даже тех ученых, которые сами по своим взглядам стояли к нему довольно близко. Один из них — Ю. Кэрст был принужден отметить, что в речах Исократ нельзя видеть программу панэллинской партии, что в них нет идеи создания единого государства². Впрочем, впоследствии его взгляды на этот вопрос существенно изменились. В вышедшем в 1927 г. третьем издании «Истории эллинизма» он совершенно уже в стиле Белоха заявляет о том, что «панэллинские чувства и мысли, провозвестником которых выступает Исократ, могли превратиться в политическую силу лишь тогда, когда ими воспользовался настоящий политический деятель». В конце концов, по его мнению, Исократ пришел к выводу, что только монархия может воплотить в жизнь его идеи³.

Несмотря на поддержку Кэрста, позиции Белоха в этом вопросе оказались настолько шаткими, что понадобились более веские доказательства, которые смогли бы основать идею «панэллинизма». Попыткой такого рода являются два очерка Вендланда: «Филипп и Исократ» и «Исократ и Демосфен», помещенные в «Известиях Геттингенского научного общества» за 1910 г. По мнению Вендланда, идея Исократ заключалась в создании федеративного государства во главе с Филиппом. Однако в брошюре Исократ нет и намека на идею создания федеративного правительства в Греции. §§ 68—71 «Филиппа», на которые ссылается Вендланд, не рисуют картины федеративного правительства во главе с Филиппом; там воспроизводится будущий съезд послов к Филиппу, которым предстоит совещаться о «всеобщем спасении» (περί τῆς κοινῆς σωτηρίας), т. е. о походе против Персии⁴.

Нам неизвестно, как мыслил себе Исократ послевоенное устройство Греции, но совершенно ясно одно: пропагандируемый им союз заключался только в симмахии, подобной той, которая существовала в эпоху греко-персидских войн. Его политические симпатии всегда были по форме ретроспективными; поэтому нет никакого основания для того, чтобы предполагать у него идеи нового общегреческого государства, тем более, что это источниками не подтверждается.

В новейшее время стала заметна тенденция ряда буржуазных ученых свести понятие «панэллинизма» к «панэллинскому» походу. Если в 1929 г. Вилькен еще пытался утверждать, извращая историческую действительность, что монархия Филиппа после Херонеи представляла собой союз государств (Staatenbund) и что в ней была осуществлена панэллинская программа Исократ, то позднее в своей книге «Александр Великий» (1933 г.) он говорит только о панэллинской национальной войне против «исконного врага», на первый план выдвигая расовые противоречия⁵. В этом ему полностью следуют Гельмут Берве и все другие фашистские историки.

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 293.

² J. Kaerst, Geschichte des hellenistischen Zeitalters, I, стр. 92.

³ J. Kaerst, Geschichte des Hellenismus, 1927, I, стр. 145—147.

⁴ Cp. Adams, The political influence of Isocrates, CPh., VII, 1912, стр. 346—347.

⁵ U. Wilcken, Philipp und die Panhellenische Idee, SPAW, 1929, XVIII, стр. 15 слл.; «Alexander der Grosse», L., 1933, стр. 13 слл.

Но даже ограниченное до такой степени понятие панэллинизма не имеет абсолютно никаких прав на существование. Поход Александра не может быть назван «панэллинским» по той простой причине, что он не был результатом объединенного движения всех греков. Утверждать это — значит извращать и фальсифицировать действительную историю похода, бывшего результатом сложного клубка социальных и экономических противоречий в Греции IV в. до н. э. Общеизвестно устройство греческих государств, готовых восстать при малейшей неудаче Александра; против Александра сражались не только персы, но и греки.

В симпатиях германских, а затем и американских ученых к Александру немалую роль сыграло, вероятно, то, что поход Александра на Восток был в их глазах удачным осуществлением «извечной тенденции Запада к завоеванию Востока», т. е. той тенденции, которая получила свое оформление у пангерманцев в формуле «*Drang nach Osten*». В этом, очевидно, и заключается причина превозношения Филиппа и Александра прусско-монархической школой: проникнутые духом милитаризма, они в своих святынях «великих завоевателей», где почетные места занимали «великий Фриц» и Бисмарк, первые места отвели македонским царям. Этим преклонением перед Филиппом и особенно перед Александром отличаются все без исключения посвященные им работы германских историков; такова же и книга Бирта¹, страницы которой заполнены напыщенной и безвкусной декламацией в честь Александра; такова проникнутая фашистскими идеями книга Вилькена и другие.

Наш краткий очерк возникновения и развития концепции панэллинизма был бы не полным, если бы мы не указали на то, что эта ложная и предвзятая концепция была подвергнута резкой критике крупнейшим нашим специалистом по античной истории С. А. Жебелевым. В приложенной к переводу «Политики» Аристотеля статье «Греческая политическая литература и «Политика» Аристотеля» он писал: «Не следует переоценивать значение развиваемых Исократом положений. Нужно помнить всегда, что он был более оратором, чем политиком, и вряд ли можно усматривать в его речах какую-либо программу общеэллинской национальной идеи, которую он хотел якобы противопоставить партикуляристическому строю греческих государств-городов»². Суровая критика С. А. Жебелева попадает не в бровь, а в глаз представителям не только германской, но и всей буржуазной историографии вообще.

В том, что буржуазная историография старается объяснить сложность конкретной исторической обстановки в Греции второй половины IV в. панэллинским движением, ясно заметна ее общая тенденция перевести и противоречия классовой борьбы в плоскость противоречий национальных. Классовая от начала и до конца пропаганда Исократа трактуется ею как пропаганда панэллинской идеи, являвшейся якобы надклассовой и поднимающейся выше полисных противоречий³.

Остается ответить на последний вопрос: чем были вызваны к жизни основные идеи публицистики Исократа и в какой степени можно здесь говорить, что они представляли собой идеи объединения Греции? Отвечая на этот вопрос, мы должны прежде всего помнить, что все расовые и националистические факторы, которые кладутся буржуазной историографией в основу публицистики Исократа, являются неверными, искажающими и фальсифицирующими действительные взгляды Исократа. Его идеи представляли собой то средство, при помощи которого известные зажиточные слои греческого общества мечтали вырваться из тисков тяжелого социального и экономического кризиса. Картина этого социального кризиса особенно ярко развернута в «Филиппе». В §§ 120—122 он раскрывает истинные⁴ причины, вызвавшие к жизни его идеи; эти причины заключались в возросшей опасности социального переворота:

¹ См. Th. Birt, *Alexander der Grosse*, L., 1925. Автор не случайно избрал эпиграфом слова Агатия: «Я отрицаю, что история далеко отстоит от поэзии: обе они сестры и общего происхождения».

² Аристотель, *Политика*, 1911, стр. 424.

³ Ср. W. Jaeger, *Demosthenes*, B., 1939, стр. 151.

Можно ли говорить о том, что Исократ в какой-либо степени все же выступал за объединение Греции? Нам это представляется невозможным. Можно и должно говорить о том, что олигархические слои поддерживали Филиппа, надеясь найти в нем защиту от угрозы восстаний рабов и городской бедноты; можно говорить о том, что некоторые представители этих слоев готовы были ради собственной выгоды пожертвовать свободой и независимостью своей родины. Но последние не могли найти в Исократе своего сторонника; мы видели, с каким упорством он выступает за автономию отдельных полисов. В этом, как нам уже приходилось указывать, особенно ярко отражается полисная идеология Исократа. Объективно его деятельность была на-руку Филиппу, и тот мог только приветствовать выступления афинского оратора. Но сам Исократ вряд ли мог желать, чтобы в его родном городе стоял македонский гарнизон¹.

Из сказанного можно сделать вывод, что теория панэллинизма не находит подтверждения в материалах публицистики Греции IV в. до н. э. Она является ярким примером фальсификации истории буржуазной наукой.

М. Г. Колотова и В. Г. Борухович

ДРЕВНЯЯ ГАЛЛИЯ

(Обзор послевоенной буржуазной историографии)

История Галлии до-римской и римской всегда привлекала исследователей. По ее археологии и истории существуют многочисленные капитальные труды, и все-таки за последние послевоенные годы продолжают выходить новые посвященные ей работы. Продолжает обсуждаться вопрос, было ли для Галлии благом или злом римское завоевание, было ли оно необходимостью, которой нельзя было избежать, и какие причины сделали его возможным. В предыдущем обзоре, посвященном освещению деятельности Цезаря и Циперона² в современной буржуазной литературе, я пыталась показать, как используются на Западе история падения Римской республики и характеристики деятелей того бурного времени для пропаганды политических взглядов авторов — будь то историки-профессионалы или дилетанты; как обострение всех противоречий заставило античников Америки и Европы отказаться от маски объективизма, которую так охотно носили их предшественники. В не меньшей степени это можно проследить и на работах по истории Галлии. Написанные под сильным влиянием событий последней войны, они отличаются чрезвычайно эмоциональным, если так можно выразиться, подходом к материалу, фактам, источникам, историческим личностям; поворотным пунктом в истории Средиземноморья, Европы и даже мира провозглашается битва при Алезии; центральными, роковыми, символическими фигурами этой истории — Цезарь и Верцингеториг. Но оценка как событий, так и лиц у различных авторов диаметрально противоположна.

Одним из этих авторов является отставной американский полковник Брэди³. Для него Цезарь — это идеал полководца, государственного деятеля, воплощение гения и справедливости, политической мудрости и гуманности. Он отвергает все известия о жестокости своего героя, проявленной при подавлении сопротивления галлов. Цезарь жестоко расправился с венетами? Но нельзя же допускать мятежей в покоренной стране (стр. 64)! Он коварно напал на узипетов и тенктеров и бесчеловечно истребил их? Но в этом обвинял его в древности его личный враг Катон, а из современных историков — те, которые не понимают, что поступать таким образом с германцами во

¹ Согласно античной традиции, Исократ уморил себя голодом после победы Филиппа при Херонее.

² См. ВДИ, № 3, 1950, стр. 152—160.

³ S. G. Brady, Caesar's Gallic campaigns, Harrisburg, 1947.